
ПОЛЕМИКА

К.И. Бринев

Алтайский государственный педагогический университет

НЕКОТОРЫЕ КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ О СОСТОЯНИИ ТЕОРИИ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ: ВЕРИФИЦИРУЕМОСТЬ

Статья посвящена анализу критерия верифицируемости, который до настоящего времени используется при проведении судебных лингвистических экспертиз. Автор попытался обосновать ложность теории верификации, используя примеры не только общих, но единичных утверждений о фактах. В статье обосновывается тезис, согласно которому демаркационная линия между оценкой и фактом находится не на оси верифицируемо / неверифицируемо, а на оси истинно / ложно.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, факт, верификация

K.I. Brinev

Altai State Pedagogical University

SOME CRITICAL REMARKS ON THE STATE OF THE THEORY OF FORENSIC LINGUISTIC EXAMINATION VERIFIABILITY

The paper discusses the criterion of verifiability which has been in use up to date in forensic linguistic examination. The author tries to prove the falsity of the verification theory by using as examples not only common, but individual statements of fact. The article proves the thesis that the border line between the assessment and the fact does not belong to the axis “verifiable / non-verifiable” and lies on the axis “true / false”.

Keywords: forensic linguistic examination, fact, verifiability

Известно, что в рамках ст. 152 ГК РФ одной из экспертных задач, которые решает лингвист, является разграничение утверждений о фактах и субъективных мнений. Также известно, что основной принцип, который лежит в основе разграничения, формулируется как принцип верификации.

Согласно постановлению Пленума ВС [О судебной практике....., 2005] утверждения о фактах – это то, что может быть проверено на предмет соответствия действительности, напротив – мнения субъективны и не могут проверяться на предмет их соответствия действительности. Данные тезисы переходят из работы в работу, несмотря на то, что этот принцип не выдерживает критики. В проводимых же лингвистических экспертизах одно и то же высказывание трактуется то как мнение, то как факт, лингвистическое сообщество не смущает, что теория верификации используется им (сообществом) на бытовом уровне, в варианте *ad hoc* теории. Точнее было бы сказать, что в экспертных исследованиях не используется никакой теории верификации, но используются лишь субъективные предпочтения конкретного эксперта по поводу верифицируемости /неверифицируемости того или иного высказывания.

Мы неоднократно отмечали, что данная демаркация не может быть принята в качестве исходного пункта проведения судебных экспертиз по этим категориям дел [Бринев, 2009, Бринев, 2016], но, кажется, этот критерий продолжает доминировать в таких исследованиях, причем еще раз подчеркнем, что используется он интуитивно.

Последовательно логически его попытался обосновать и защитить М.А. Осадчий в его работе «Публичная речевая коммуникация в аспекте управления правовыми рисками» [Осадчий, 2013]. Отметим, что его обоснование является критикой нашей точки зрения, согласно которой верификации как явления попросту не существует. Скорее, этот миф, порожденный позитивистской философией, каким-то образом (вероятно, через работы Л. Витгенштейна) проник в лингвистику и не обсуждался, как не обсуждаются аксиоматически высказывания в той или иной теории (хотя в науке и аксиоматические высказывания могут обсуждаться).

Таким образом, данная статья построена на критике положений работы М.А. Осадчего, но эта критика не является самоцелью, она представляет собой, скорее, средство развития теории демаркационной линии между фактами и мнениями. Прежде всего отметим, что мы, действительно, благодарны М.А. Осадчему за

его критические замечания, потому что критика теорий – это рост науки, отсутствие критики – превращение науки в догму. Это позволяет нам рассматривать настоящую статью как продолжение обсуждения критерия верифицируемости в судебной экспертизе.

В диссертации Осадчего присутствует достаточно большой критический фрагмент нашей работы. Из всего, что утверждает автор в критическом ключе, мы согласны с одним: оставаться в рамках чистой лингвистики лишь для того, чтобы оставаться в рамках чистой лингвистики (делать процесс очищения лингвистики самоцелью), неприемлемо. Безусловно, проблема – это центр научного исследования, и если проблема решается при помощи привлечения внеязыковой информации, то вряд ли целесообразно отказываться от ее решения на том основании, что такое решение проблемы является неподходящим.

Однако мы никак не можем согласиться со основными тезисами анализируемой работы (мы считаем, при этом, что под цитатой, которая будет приведена далее «подпишется» немало лингвистов-экспертов). Приведем интересующий нас фрагмент работы: «... определение потенциальной проверяемости высказывания не входит в компетенцию лингвиста-эксперта, более того, в теории познания проблема верифицируемости не является решенной, поэтому обыденные представления лингвиста о том, что верифицируемо, а что – нет, вряд ли могут являться надежным источником решения вопроса о квалификации высказывания в аспекте его принадлежности к высказываниям о фактах или оценочным суждениям» [Бринев, 2012, с. 150; см. также Бринев, 2008]. В процитированной работе К.И. Бринева со ссылкой на [Поппер, 2004] обосновывается, что наличие в естественном языке высказываний с неисчислимыми кванторами (все лебеди белые) или высказываний, предметом которых являются вселенские закономерности (планеты вращаются вокруг солнца), ставит под сомнение возможность включения параметра верифицируемости высказывания в ряд параметров для разграничения сведений и оценок. Следует при этом уточнить, что высказывания такого типа в логико-лингвистическом аспекте являются однозначно верифицируемыми, но в практическом аспекте проверить их содержание на предмет соответствия действительности не

представляется возможным. Такая проблема, хорошо известная в логике и лингвистической семантике, приобретает совершенно иное звучание в юриспруденции». [Осадчий, 2013, с. 67].

Фрагмент, который мы привели, на наш взгляд, является яркой иллюстрацией тезиса другой нашей работы: теории, на которых основывается экспертное исследование, неудовлетворительны [Бринев, 2009; Бринев, 2016]. Критические фрагменты, которые отмечены в работе М.А. Осадчего, показывают, что используется ad hoc-теория (что-то наподобие теории подгона).

Поясним сказанное конкретно. Встает вопрос: в каком смысле такие высказывания теоретически проверяемы, а практически непроверяемы? Дело в том, что они именно теоретически непроверяемы. Их невозможно верифицировать в принципе, другими словами, эти высказывания невозможно верифицировать, так как при следующей проверке они могут оказаться ложными, если учесть, что число проверок может быть бесконечным, можно понять, что никто не может верифицировать данные высказывания (Имеются в виду высказывания «Все лебеди белые»). В нашей работе мы только лишь хотели сказать, что если лингвист не знает о том, что существуют утверждения о фактах, которые не могут быть проверены или верифицированы ни в каком смысле (логико-лингвистическом ли или практическом), и если это так, то каков статус теории верификации, которая используется в юрислингвистике? По крайней мере, эта теория неполна, или в какой-то части эта теория ложная (предваряя последующее изложение, отметим, что она ложна полностью), встает вопрос: почему должно вызывать доверие использование частично ложной теории? Где гарантия, что эта теория не является полностью ложной? Другими словами, если в одном случае лингвист не знает чего-то о верифицируемости, то почему он вообще о ней что-то знает, или почему он в других случаях не может ошибаться.

В общем, когда мы писали работу, то исходили из двух положений: либо необходимо разобраться в проблеме и не решать ее на уровне бытовых представлений, разобраться в том смысле, что учесть то, что накоплено в других областях знания, а накоплено там немало (Г. Фреге, Б. Рассел, Л. Витгенштейн, фон Фригт, К. Поппер и

т.п.). Но если мы не будем и не хотим разбираться, то тогда нет смысла и отвечать на это вопрос, так как, отвечая не разобравшись, мы проявляем свою некомпетентность, именно некомпетентность, а не то, что этот вопрос не входит в нашу компетенцию. Мы думаем, что все это понятно, все это вытекает из такого свойства теории, как ее полнота и непротиворечивость, думаем, также, что в данной статье нет необходимости обосновывать то, что полнота и непротиворечивость теории представляют собой научный стандарт, к которому нужно стремиться.

Михаил Андреевич «адхоково» исключает общие высказывания на том основании, что они никогда не могут стать объектом судебного разбирательства. Допустим, что это так, даже, наверное, что это так, но если мы не имеем теории, которая описывает все известные факты, то ценность нашего описания для юрислингвистики невелика. Другими словами, характер гражданского процесса (состязательный или не состязательный) не имеет никакого отношения к решению проблемы фактивности / оценочности, аргументация от юриспруденции в данном случае попросту неуместна. В теоретико-познавательном и практико-методическом аспектах мы должны знать, как описывать любое произвольное высказывание, текст, фрагмент текста в названном аспекте, не зависимо от того, способно оно попасть в сферу судебного разбирательства, попадет ли оно в эту сферу когда-нибудь или нет, не зависимо от того, является ли гражданский процесс состязательным или инквизиционным. Отметим, однако, что свойство состязательности М.А. Осадчий использует для того, чтобы связать его с так называемым принципом минимального «достаточного»: «Второй важный момент заключается в том, что реалии судебного разбирательства предписывают всем участникам процесса руководствоваться принципом минимального достаточного: суд не интересуют все аспекты семантики высказывания, значимым является конфликтный компонент смысла, иные семантическое компоненты попадают в поле зрения суда лишь в аспекте расширения, ограничения, трансформации семантики конфликтного компонента. Принцип минимального достаточного в ряде случаев делает незначимым и ненужным полную верификацию содержания высказывания» [Осадчий, с. 68]. Предположим, что данный принцип

Михаил Андреевич придумал сам, так как о таком принципе, по нашему мнению, нигде ничего не сказано.

Перейдем теперь непосредственно к обсуждению тезиса, что теория верификации полностью ложна, в каком-то смысле это пережиток эмпиризма, особенно в форме позитивистских логико-философских систем.

Начнем это со следующего утверждения. Существует мнение, что и единичные высказывания не могут быть проверены опытом, так как в них входят универсальные имена (или в лингвистической терминологии) нарицательные имена. Вряд ли кто из лингвистов оценил мнение К. Поппера, которое мы приводим ниже: «Высказывание «Здесь имеется стакан воды» нельзя верифицировать опытным путем. Причина этого состоит в том, что входящие в это высказывание универсалии не могут быть соотнесены с каким-либо специфическим чувственным опытом. («Непосредственное восприятие» только однажды дано «непосредственно», оно уникально.) При помощи слова «стакан» мы, к примеру, обозначаем физические тела, демонстрирующие определенное законосообразное поведение; то же самое справедливо и для слова «вода» [Поппер, 2004, с. 201].

Другими словами, любое нарицательное имя – это гипотеза или система гипотез о поведении чего-либо, любая гипотеза содержит квантор общности, а если это так то, любое сингулярное высказывание может быть опровергнуто опытом, но никогда не может быть верифицировано. Потому критерий верификации – весьма сомнительный инструмент при проведении лингвистических экспертиз, которые требуют выделения утверждений о фактах. То, что наши органы чувств, прошедшие тысячелетнюю эволюцию, так успешны в декодировании потока событий, создает иллюзию непосредственного восприятия некоторых предметов, явлений и т.п. Но в гносеологическом аспекте это не лишает их статуса гипотез, а в функциональном отношении – сложных и весьма опосредованных аппаратов, декодирующих сигналы извне [Поппер, 2004]. Это такие же ожидания событий, как и законы с квантором всеобщности, просто их диспозициональность имеет в психологическом аспекте более низкий уровень, чем диспозициональность выражении типа

«Все люди смертны». Мы ожидаем от конкретного (этого) дерева, что оно остается одним и тем же в размере и в своем составе, цвете, как бы далеко мы от него ни отошли, но это не верифицируемое опытом ожидание. Потенциально возможно, что оно при следующей встрече уменьшится, самое главное, что оно уменьшится само по себе, без участия лесоруба (стоит вспомнить, что эквадорские пальмы перемещаются с места на место за год на 20 см., а если это так, то выражение «Все деревья не движутся ложно», а, следовательно, ложно и единичное утверждение о конкретном дереве. «Это дерево не движется» – говорит некто, указывая на эквадорскую пальму, очевидно, что при этом он высказывает ложное единичное суждение, «верифицируя» его непосредственным наблюдением пальмы. Еще раз повторим, что все нарицательные имена – это системы или совокупности событий, а наши представления о них и наименования их, это системы или совокупности гипотез. А так как в любое единичное высказывание (высказывание с дейксисом или собственным именем) обязательно входит хотя бы одно универсальное (нарицательное имя), то и такие предложения всего лишь гипотезы, которые не могут быть верифицированы, но могут быть опровергнуты.

Все это вытекает из простого постулата: любая, даже перцептивная теория мира предшествует факту, любой факт интерпретируется только на фоне какой-то теории, с этой точки зрения единичные высказывания настолько же теоретичны, что и кванторные высказывания, они попросту пронизаны теорией, а если это так они могут быть опровергнуты, но никогда не могут быть верифицированы.

В общении с коллегами нам приходилось сталкиваться и с чисто юридической критикой нашей позиции. Коллеги ссылались на Постановление ВС [О судебной практике..., 2005]. Нам кажется, что это самый слабый аргумент в защиту принципа верификации.

Начнем с того, что постановление писали конкретные люди, получившие конкретное образование, овладевшие конкретной верификационистской логикой, неужели они не могут ошибаться? Или в силу юридической или еще какой-либо конвенции они просто признаются непогрешимыми? Тогда что делать химику, если в воображаемом постановлении напишут, что калий – это натрий?

Признать калий натрием? Ответ, думаем, должен быть другим. Да он и подтверждается ходом развития юриспруденции как науки и практической деятельности. Она, на наш взгляд, все-таки стремится учесть последние достижения научного знания, и именно потому так бурно развилась такая отрасль, как судебная экспертиза (потому что эксперты используют методики на хорошо апробированных теориях). В этом случае верификации просто не повезло: лингвисты приняли ее некритически и перенесли в свои экспертизы, на наш взгляд, не совсем разобравшись в самой верификации и ее возможностях, а возможностей у нее, как мы постарались показать в статье, не очень много.

Если заканчивать сюжет с юриспруденцией полостью, то неверно, что некоторые мнения не могут быть истинным или ложными, а, следовательно, являться утверждениями о факте. Например, когда кто-то говорит, что он считает, то X – вор, при этом он не является искренним, то он попросту высказывает ложное утверждение о своем ментальном состоянии. И думаем, что юридически такие выражения неподсудны не потому, что они не являются утверждениями о фактах, а потому что согласно Конституции и Гражданскому кодексу РФ в Российской Федерации разрешено иметь любое ментальное состояние и выразить его беспрепятственно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бринев, К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза / К.И. Бринев. – Барнаул: Изд-во АлтГПА, 2009. – 252 с.

Бринев, К.И., Судебная лингвистическая экспертиза: методология и методика / К.И. Бринев // Москва: 2016. – 398 с.

Осадчий, М.А. Публичная речевая коммуникация в аспекте управления правовыми рисками: дис. ... доктора филол. наук / М.А. Осадчий. – Кемерово, 2013. – 370 с.

О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и

юридических лиц: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 №3 [Текст] // "Российская газета", № 50, 15.03.2005.

Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации / Авт.-сост. А.А. Леонтьев, В.Н. Базылев, Ю.А. Бельчиков, Ю.А. Сорокин; Отв. ред. А.К. Симонов. – Москва: Фонд защиты гласности, 1997. – 128 с.

Поппер, К.Р. Предположения и опровержения / К.Р. Поппер. Москва: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 638 с.